

Социально-профессиональные планы университетского студенчества постсоветских мегаполисов: факторы актуализации

А.Ю. Будник, А.А. Дейнеко, Л.Г. Сокурянская

В статье представлены результаты сравнительного анализа социально-профессиональных ориентаций студенчества постсоветских мегаполисов, исследованы социокультурные особенности студенческих ориентаций относительно видов деятельности после окончания вуза, проанализированы факторы поступления в аспирантуру. Основываясь на результатах исследования эмиграционных установок уральского и харьковского студенчества, в частности мотивации возможного выезда студентов на учебу за границу, авторы выдвигают гипотезу о формировании субкультуры студенчества современных постсоветских мегаполисов.

Ключевые слова: социально-профессиональные ориентации, жизненные планы, профессиональные притязания, студенчество мегаполисов, стратегии достижения.

У статті представлені результати порівняльного аналізу соціально-професійних орієнтацій студентства пострадянських мегаполісів, досліджені соціокультурні особливості студентських орієнтацій щодо видів майбутньої професійної діяльності, проаналізовані чинники вступу до аспірантури. Послуговуючись результатами дослідження еміграційних установок уральського й харківського студентства, зокрема мотивації можливого виїзду студентів на навчання за кордон, автори висувують гіпотезу про формування субкультури студентства сучасних пострадянських мегаполісів.

Ключові слова: соціально-професійні орієнтації, життєві плани, професійні домагання, студентство мегаполісів, стратегії досягнення.

У артыкуле прадстаўлены вынікі параўнальнага аналізу сацыяльна-прафесійных арыентацый студэнцтва постсавецкіх мегаполісаў, даследаваны сацыякультурныя асаблівасці студэнцкіх арыентацый адносна відаў дзейнасці пасля заканчэння ВНУ, прааналізаваны фактары паступлення ў аспірантуру. Грунтуючыся на выніках даследавання эміграцыйных устаноў уральскага і харкаўскага студэнцтва, у прыватнасці матывацыі магчымага выезду студэнтаў на вучобу за мяжу, аўтары вылучаюць гіпотэзу аб фарміраванні субкультуры студэнцтва сучасных постсавецкіх мегаполісаў.

Ключавыя словы: сацыяльна-прафесійныя арыентацыі, жыццёвыя планы, прафесійныя дамаганні, студэнцтва мегаполісаў, стратэгіі дасягнення.

The results of comparative analysis of the socioprofessional orientations of students from postsoviet megalopolises are presented in the article. The sociocultural features of students' orientations are investigated with regard to the spheres of future employment; the factors of entering postgraduate school are analysed. Basing on the results of research of the emigration purposes of Ural and Kharkiv students aimed, in particular, at studying possible motivations for studying abroad, the authors suggest the hypothesis of forming the subculture of students of postsoviet megalopolises.

Keywords: the socioprofessional orientations, life plans, professional claims, megalopolis students, strategies of achievement.

Анализ пространства социально-профессиональных ориентаций студенчества является одним из немногих современных исследовательских разведок, опирающихся на эвристический опыт приобретений советской социологии. В частности, вспомним масштабные исследования проблем образования и молодежи под руководством социологов В.М. Шубкина, Л.Я. Рубиной, Ю.Р. Вишневского, В.Т. Шапка, в рамках которых акцентировались вопросы профессионального выбора, жизненных путей и планов молодежи, профессиональной и территориальной мобильности студенчества и т.п.¹ Весомый вклад в анализ указанной нами проблемы внесли известные российские исследователи Ф.Р. Филиппов и В.Т. Лисовский². Значительным методологическим источником является работа эстонского социолога М.Х. Титмы и его коллег³, в частности, такие известные широкому научному кругу публикации, как «Начало пути», «Пути поколения», «Молодое поколение» и др.

¹ Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность / под ред. В.Н.Шубкина. М., 1984; Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь. М., 1985; Шубкин В.Н. Социологические опыты. М., 1970; Руткевич М.Н., Рубина Л.Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М., 1988; Рубина Л.Я. Советское студенчество. Социологический очерк. М., 1981; Вишневский Ю.Р., Рубина Л.Я. Социальный облик студенчества 90-х годов // Социс. 1997. № 10. С. 56-69; Вишневский Ю.Р., Шапка В.Т. Студент 90-х – социокультурная динамика // Социс. 2000. № 12. С. 56-63.

² Филиппов Ф.Р. Всеобщее образование в СССР. Социологические проблемы. М., 1976; Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению. М., 1989; Лисовский В. Т. Эскиз к портрету: жизненные планы, интересы и стремления советской молодежи. М., 1969.

³ Социально-профессиональная ориентация молодежи / отв. ред. М.Х. Титма. Тарту, 1973.

Не были в стороне от этой проблематики и украинские ученые. Среди их работ особую значимость для нашего исследования имеют коллективные монографии, подготовленные по результатам исследований киевских и харьковских социологов¹.

Научный интерес к социально-профессиональным ориентациям студенчества логично вписывается в фарватер *трансформационных процессов* современного постсоветского пространства, характеризующиеся глубинными изменениями ценностей молодого поколения, реформированием системы высшего образования, институтов политики, права, экономики и т.д. В этом контексте все большую актуальность приобретает *концепция рискологичности социальной реальности* (термин Ю.А. Зубок), а исследования социально-профессиональных ориентаций современного студенчества являются актуальными для разработки мер минимизации рисков на *макро-* (институциональный уровень), *мезо-* (по отношению к студенчеству как социально-демографической группы) и *микро-* (индивидуальный уровень) *уровнях*.

Согласно мнению многих исследователей, *современный город* является уникальным локусом структурных и социокультурных изменений. Город (мегаполис, в частности) с особенностями его административного, экономического, образовательного статусов формирует специфический ценностно-нормативный контекст, который усваивается и транслируется его обитателями. Аккумулируя передовой технологический потенциал, мегаполис в значительной мере влияет на социально-профессиональные ориентации студенчества (которое является главным интеллектуальным потенциалом научного и образовательного развития государства), создавая особую социокультурную среду, инфраструктуру статусно-ролевых ансамблей. Однако, несмотря на 20-летие самостоятельного развития постсоветских стран, есть определенные сомнения относительно тождества структурных и социокультурных изменений в независимых государствах постсоветского пространства (в частности, в России и Украине). Именно поэтому целью данной работы является сравнительный анализ социально-профессиональных ориентаций университетского студенчества постсоветских мегаполисов, как Харьков и Екатеринбург. Главными задачами исследования являются:

- анализ социокультурных особенностей студенческих ориентаций относительно видов деятельности после окончания вуза;
- изучение факторов поступления в аспирантуру среди студенчества мегаполисов;
- исследование эмиграционных установок современного студенчества мегаполисов;
- анализ мотивации возможного выезда студентов на обучение за границу.

Эмпирической базой анализа являются результаты социологического исследования, проведенного кафедрой социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2009-2010 годах (по репрезентативной выборке опрошено 3058 студентов вузов Украины). Подвыборки для нашей работы – 328 студентов Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина и 320 студентов Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

В рамках данного исследования под *социально-профессиональными ориентациями* мы понимали стремления, установки и ориентиры студентов в выборе сфер будущего трудоустройства (в том числе установки на последипломное образование, эмиграцию и тому подобное) и прежде всего ценностно-мотивационный аспект этого выбора.

Обратим внимание на сферу практик, с которыми украинские и русские студенты связывают реализацию профессиональных ориентаций. Интересной является общая картина распределения ответов студентов сравниваемых вузов: имеем три четко очерченных приоритетных вида деятельности студентов УрФУ (собственный бизнес, практическая деятельность по специальности, административно-управленческая деятельность) и более равномерное распределение желаемых видов деятельности харьковских студентов.

¹ Черноволенько В.Ф., Осовский В.Л., Паниотто В.И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев, 1979.

Таблица 1

**Социально-профессиональные планы уральских и харьковских студентов
(в % к числу опрошенных)**

Виды деятельности после окончания вуза	УрФУ	ХНУ
Собственный бизнес	43	21
Практическая деятельность по специальности	32	22
Административно-управленческая деятельность	22	10
Политическая, общественная деятельность	6	15
Заниматься семьей, воспитанием детей	5	2
Научно-исследовательская работа	5	19
Преподавание в вузах	2	11
Преподавание в школе, лицее	1	7
Преподавание в техникуме, колледже	1	4
Неважно чем заниматься, лишь бы платили деньги	6	3
Четких планов нет	13	19

Ситуация, на наш взгляд, обусловлена более кристаллизированной, стабильной системой профессиональных ориентаций русского студенчества, что связано с особенностями (макро-) контекстов социальной реальности российского общества (бóльшей политической и экономической стабильностью, чем в Украине, наличием государственных программ по трудоустройству молодежи). Украинские студенты, в отличие от русских коллег, являются более дезориентированными относительно своего профессионального будущего (четких планов по этому поводу не имеют 19% опрошенных студентов ХНУ против 13% в УрФУ). Эту дезориентацию можно объяснить активными процессами реформирования многих областей общественной жизни в Украине, что обуславливает студенческие настроения растерянности, неуверенности в будущем и тому подобное. Этот факт некоторые современные исследователи трактуют с точки зрения пессимистических прогнозов дальнейшего развития украинского государства. Но, с другой стороны, более равномерное распределение альтернатив в ответах украинских студентов может свидетельствовать о том, что их профессиональные ориентации являются более *гибкими и мобильными*. На наш взгляд, ориентация (которая стимулирует и определяет практики) на несколько видов будущей профессиональной деятельности характеризует украинских студентов как более приспособленных к быстротекущему развитию современного мирового (глобального) и украинского (локального) рынка труда. Ведь, как отмечают исследователи¹, современный рынок труда требует от молодежи не только *профессиональной подготовки*, но и значительной *адаптивности* к экономическим обстоятельствам.

Эвристическими для анализа являются низкие показатели альтернативы «заниматься семьей, воспитанием детей» среди студентов обоих вузов. Она демонстрирует *особенности образа жизни молодежи современных мегаполисов*, в частности, фиксирует высокую значимость ценностей достижения (модернистские ценности), прежде всего стремление к профессиональной и служебной карьере, в том числе молодых женщин, а следовательно, откладывание срока вступления в брак и рождение детей, тяготения к европейским стратегиям жизненных стилей и жизненного успеха. Однако, не следует трактовать низкий показатель желания «заниматься семьей, воспитанием детей» в фокусе тотального кризиса института современной семьи. На наш взгляд, в связи с высокой мобильностью и динамизмом современной жизни, расширением пространства молодости, студентам удастся совмещать целый спектр сфер деятельности (в том числе и семейная жизнь, рождение детей). Особенно актуальным такой вывод является для молодежи современных мегаполисов, ведь он фиксирует разницу традиционного представления об авансценическом и уникальном месте семьи в жизни сельской молодежи, в отличие от современной молодежи мегаполиса.

¹ Лібанова Е.М. Ринок праці. Київ, 2003.

Разницу в количественных показателях желания посвятить себя политической и общественной деятельности студентов вузов объясняем особенностями политического строя обоих государств (имеем в виду наличие хотя бы декларируемой открытости доступа к политической структуре в Украине, что предопределено несколько бóльшим развитием институций гражданского общества в стране). Бóльшую ориентацию украинского студенчества на участие в общественной деятельности мы связываем с их тяготением к ценностям альтруистичного направления, что подтверждают результаты других исследований¹.

Наиболее актуальной сферой будущей профессиональной деятельности для студентов сравниваемых подгрупп является перспектива создания собственного бизнеса (что отметили 43% уральских и 21% харьковских студентов). Эта тенденция подчеркивает социоструктурные особенности современного развития мегаполисов, которые концентрируют инфраструктуру регионального предпринимательства и арсенал высококвалифицированных работников. Интересным является тот факт, что показатели этой альтернативы у русских студентов преобладают желание работать по специальности (эту альтернативу избрали 32% студентов УрФУ). Если интерпретировать сущность предпринимательской деятельности в качестве практики быстрого накопления экономического капитала, то следует подчеркнуть более кристаллизированные индивидуалистско-прагматические установки русского студенчества, актуальность материальных ценностей, которая подтверждает анализ ценностных ориентаций русских студентов.

Верифицируя нашу гипотезу, отметим, что, в отличие от украинских студентов, научно-исследовательская и преподавательская деятельность не является актуальной профессиональной практикой для русских студентов (кумулятивный процент альтернатив «научно-исследовательская деятельность», «преподавание в вузе, школах, техникумах» составляет 9% среди уральских и 41% среди харьковских студентов). Да, студенты УрФУ почти не желают работать в школах и техникумах, что, с одной стороны, свидетельствует о высшем уровне их статусно-профессиональных притязаний, который не всегда может пригодиться им в условиях открытости современного рынка (имеем в виду неприятные последствия разочарования в невозможности реализации желаемого направления профессиональной деятельности). С другой стороны, такие ориентации предопределены спецификой профиля учебы уральских студентов, среди которых наиболее представлены будущие специалисты технических специальностей. Выбор преподавательских видов деятельности студентами является индикатором ориентаций на приумножение *культурного и социального капитала* (а также свидетельством их значимости по сравнению с *экономическим*, в частности). На первый взгляд, мы имеем основания для оптимистичных прогнозов относительно последующего развития науки и образования в Украине, однако, как свидетельствует исследование, анализ динамики эмиграционных настроений современного украинского студенчества дает основания для менее оптимистичного взгляда². В этом контексте актуальным является анализ мотивов научно-исследовательской и преподавательской деятельности украинских студентов, ведь мы имеем определенные сомнения относительно *терминального* характера накопления и использования ими культурного и социального капитала.

Для раскрытия последнего тезиса обратим внимание на ориентации и факторы поступления студентов в аспирантуру.

¹ Пачковський Ю. Ціннісно-професійний контекст світоглядних орієнтацій студентської молоді (досвід українсько-польського соціологічного дослідження) // Український соціологічний журнал. 2009. № 1–2. С. 79–94.

² Дейнеко А.А. Емігрантські настрої сучасного українського студентства: факторна обумовленість на пострадянському просторі // Молодь в умовах нової соціальної перспективи: Ч. 2: матеріали X Міжнародної наук.-практ. конф., м. Житомир, травень 2008 р. Житомир, 2008. С. 57–61.

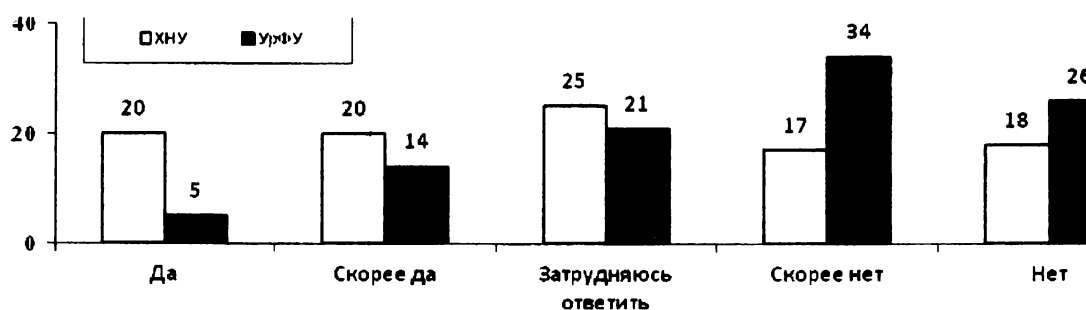

Рис. 1. Ориентация студентов на поступление в аспирантуру (Собираетесь ли Вы после окончания вуза поступать в аспирантуру?)

Поскольку научно-исследовательская деятельность не является актуальным и приоритетным направлением будущего трудоустройства уральских студентов, мы зафиксировали малую долю желающих продолжать учебу в аспирантуре (кумулятивный показатель альтернатив «скорее всего, нет» и «нет» составляет 60%; «скорее всего, да» и «да» – 19%). Среди студентов Харьковского университета кумулятивный процент тех, кто собирается в аспирантуру, составляет 40 % (20% – «да»; 20% – «скорее всего, да»), что, во-первых, в два раза больше показателей студентов Уральского университета, во-вторых, превышает кумулятивный процент тех, кто не планирует учебу в аспирантуре (17% – «скорее всего, нет»; 18% – «нет»). Получение статуса кандидата наук можно представить в качестве определенного источника стабильности в контексте конкуренции на рынке труда, средства минимизации «вызовов» и «рисков» современной социальной реальности (за счет аккумуляции социального и культурного капиталов). Именно этим фактом мы объясняем стремление поступления в аспирантуру украинского студенчества в условиях последствий экономического кризиса и процессов политического реформирования.

Чтобы разобраться в противоречивых тенденциях, отмеченных выше, обратим внимание на факторы, которые побуждают студенчество украинского и российского мегаполисов к вступлению в аспирантуру.

Таблица 2
Факторы поступления студентов в аспирантуру (в % к ответившим)

	УрФУ	Ранг	ХНУ	Ранг
Степень кандидата наук пригодится при трудоустройстве	45	1	28	2
Привлекает профессиональная научная деятельность	34	2	29	1
Со степенью кандидата наук легче найти работу за рубежом	31	3	17	3
Иметь степень кандидата наук престижно	30	4	13	4
Возможность иметь интересный круг общения	25	5	17	3
Возможность отложить решение проблемы трудоустройства	15	6	4	5
В этой среде можно найти спутника (спутницу) жизни	3	7	2	7
На этом настаивают родители	2	8	1	8
Это традиция нашей семьи	1	9	3	6
Другое	3	7	2	7

Как и в социально-профессиональных планах, уральские студенты демонстрируют четко иерархизированную систему факторов, которые побуждают поступить в аспирантуру (к этой системе значимых факторов поступления мы относим первые шесть ранговых позиций, в отличие от харьковских студентов. Русские студенты наиболее значимым фактором считают практическую ценность степени кандидата наук в будущем трудоустройстве (45% опрошен-

ных в УрФУ), среди студентов ХНУ этот фактор занимает 2-е место в общем рейтинге (его отметили 28% опрошенных). Высокая значимость данного фактора свидетельствует по большей части об инструментальном характере цели получения кандидатской степени, которая логично объясняет высокое желание студентов (в частности, украинских) продолжать последидипломное образование. Также этот фактор выступает латентным индикатором *социального престижа научного «работника» в обеих странах*. Фактор «привлекательности профессиональной научной деятельности», на наш взгляд, отображает терминальность поступления в аспирантуру (практика профессиональной научной деятельности является значимой сама по себе, ценной является атмосфера деятельности, окружения, и др.). Этот фактор занимает передовые позиции в общем рейтинге: среди украинских и русских студентов его отметил каждый третий. Оптимистичным, на наш взгляд, является баланс альтернатив, которые отображают инструментальный (что обеспечивает воссоздание структуры в будущем) и терминальный (что гарантирует саморазвитие и усовершенствование личности) характер факторов получения последидипломного образования студентами. О прочности установок относительно поступления в аспирантуру свидетельствует высокая значимость для студенчества обеих стран возможности иметь интересный круг общения (под которым мы понимаем научную коммуникацию, интенсификацию социальных связей, общение в коллективе друзей и коллег, и тому подобное). Именно наличие интересного круга общения, социальных связей выступает, на наш взгляд, главным фактором, который останавливает эмиграцию молодых специалистов, для которых особенно значимой является ценность общения.

Проблемную ситуацию провоцирует тот факт, что престижным считают получение степени кандидата наук 30% студентов УрФУ и только 13% студентов ХНУ. Существует «разрыв» между декларируемой российскими студентами престижностью кандидатского звания и низким уровнем желания поступить в аспирантуру. Среди украинских студентов распространенной является противоположная тенденция: манифестируя достаточно низкую престижность степени кандидата наук, украинское студенчество в большей степени ориентировано на его получение.

Возможность найти спутника (спутницу) жизни в научной среде не является значимым фактором для последидипломного образования, в частности, учеба в аспирантуре украинского и русского студенчества. Мы объясняем этот факт индивидуализацией и многообразием современных стратегий выбора брачного партнера, пользуясь концепцией множественности жизненных стилей молодежи О.Л.Омельченко. Изменилась и степень влияния внешнего окружения (в частности, родителей студентов) на принятие решения о вступлении в аспирантуру (эти альтернативы занимают последние места в рейтингах), которая актуализирует тезис об индивидуализации жизненных стилей современного постсоветского студенчества, ориентации на стратегии достижения, роста индивидуальной ответственности, за собственный жизненный выбор.

Высокая значимость фактора «со степенью кандидата наук более легко найти работу за рубежом» для студентов обоих вузов (эта позиция занимает третье место в рейтинге) является свидетельством роста *риска интеллектуальной эмиграции высококвалифицированных кадров* на современном постсоветском пространстве. Следует отметить, что эмиграционные установки можно исследовать как один из аспектов пространства социально-профессиональных ориентаций современного студенчества, ведь первые выступают индикатором отсутствия перспектив трудоустройства на Родине, или отсутствие условий для самореализации.

Согласно выводам Ю. Пачковского¹, пребывание в частично отличных социально-экономических и социокультурных условиях обуславливает существенные отличия в структурной организации ценностных систем молодежи. В нашем исследовании эта гипотеза подтвердилась лишь частично, что мы связываем с тождественными моделями мейнстрима жизни современных мегаполисов.

¹ Пачковский Ю. Ціннісно-професійний контекст світоглядних орієнтацій студентської молоді (досвід українсько-польського соціологічного дослідження) // Український соціологічний журнал. 2009. № 1–2. С. 79–94.

Отметим *схожесть настроений студентов мегаполисов на выезд за границу* (разница процентов колеблется на уровне статистической погрешности). Этот факт свидетельствует о схожести тех макроусловий, в которых сформировались эмиграционные настроения студенчества (в частности, особенности развития институтов образования, науки, экономики), а также о тождественности ценностных пространств, категорий восприятия, образцов поведения студенчества мегаполисов. В этом контексте актуальность приобретает точка зрения одного из авторов этой статьи относительно позиционирования студенчества в качестве социокультурного сообщества (в основе которой однородность ценностно-нормативных систем, повседневных и досуговых практик и т.п.)¹.

Мы рассматриваем *эмиграционные установки* в контексте пространства социально-профессиональных ориентаций студенчества, ведь студенты могут стремиться реализовать профессиональные притязания вне пределов родной страны. Да, наиболее распространенной целью выезда за рубеж для студентов обоих вузов является *желание временного трудоустройства*. Эту тенденцию мы связываем с прагматичным желанием накопления экономического капитала ввиду достаточно негативных последствий глобального экономического кризиса в постсоветских странах. Отметим, что эта «временность» выезда все же формирует предпосылки для эмиграции студентов на постоянное местожительство, что связано с приумножением социального капитала, адаптацией студентов к ценностным образцам, которые могут оказаться «ближе» к их структуре внутренних детерминант деятельности.

Таблица 3

Эмиграционные установки студентов в зависимости от цели возможного визита за границу (в % к ответившим)

	Учеба		Временная работа		ПМЖ	
	УрФУ	ХНУ	УрФУ	ХНУ	УрФУ	ХНУ
Да	21	22	34	31	15	17
Нет	54	54	42	54	53	59
Затрудняюсь ответить	25	24	24	25	32	24

Основанием для более оптимистичных прогнозов является то, что наименее привлекательной для студенчества является возможность выезда за границу на постоянное местожительство (в частности, на это указали 15% студентов УрФУ и 17% студентов ХНУ). На наш взгляд, именно эта цель непосредственно предшествует реальным процессам интеллектуальной миграции, потому что имеет наиболее глубинные основания для провоцирования безвозвратной эмиграции. Однако, студенческая ориентированность на выезд за границу с целью получения временной работы и на постоянное местожительство является тревожным знаком, ведь, если ориентация на возможность подработать за рубежом свидетельствует о желании студентов улучшить свое материальное положение, что детерминировано преимущественно экономическими мотивами, то их стремление навсегда оставить родину (что представляет куда большую угрозу для будущего любой страны) обусловлено, на наш взгляд, разочарованием воспитанников вуза в своей стране, желанием поиска новых форм и типов социальной идентификации за рубежом, поиском «своих» среди «чужих» и тому подобное. Впрочем, это же в известной мере касается и желания студенчества выехать за границу на заработок: это есть и показатель «отторженности» студенчества экономической системой Украины, и его желание найти новые формы и типы экономической деятельности, и разочарования, в возможностях и шансах, существующих на родине, и, соответственно, показателем готовности поиска студенчеством социетальных, экономических и культурных альтернатив.

Достаточно высокий процент желающих (21% и 22% уральских и харьковских студентов соответственно) выехать за границу для учебы можно частично связать с внедрением и развитием на территории Украины и Российской Федерации Болонского процесса, основные

¹ Сокурская Л.Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. Харьков, 2006.

принципы которого регламентируют программы студенческого обмена, практик учебы, за рубежом (реализация Болонского процесса – это расширение пределов образования, возможность ее получения за пределами собственной страны). Студенчество мегаполисов, получив номинальное право на академическую мобильность, безусловно, может переориентироваться на реализацию этого права. Болонский процесс, таким образом, приобретает ту расцветку, о которой ведущие интеллектуалы предупреждали Европу – стирание «академического патриотизма», космополитизация студентов. Именно такая политика в сфере образования и науки по меньшей мере создает основания для угрозы интеллектуальной эмиграции в последующем, ведь миграция с учебной целью может превратиться в желание постоянного проживания за рубежом.

В этом контексте интересным является анализ мотивов, которые побуждают студентов мегаполисов эмигрировать для учебы за границу:

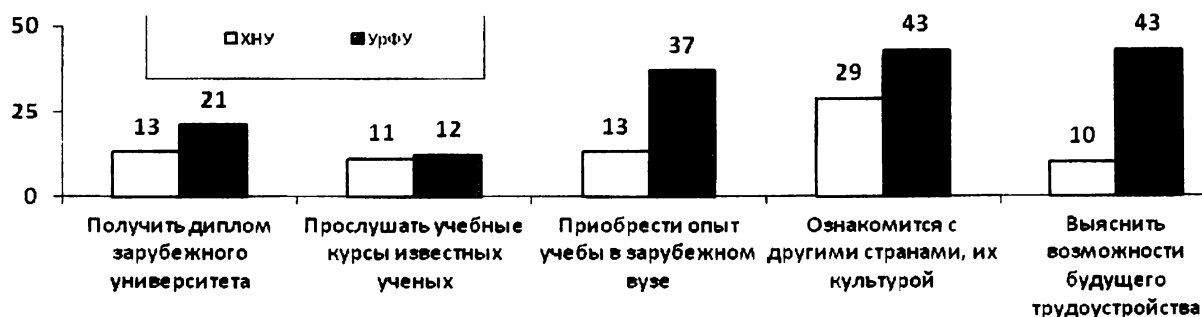

Рис. 2. Мотивы, побуждающие студентов к отъезду за границу на обучение

Да, для студентов ХНУ наиболее значимым является желание ознакомиться с другими странами, их культурами, что, собственно, не является сугубо учебной целью. Популярность этой альтернативы и среди русского студенчества свидетельствует:

- о значимости постматериалистических ценностей студентов постсоветских мегаполисов, что актуализирует концепцию Р. Инглехарта относительно глобального ценностного сдвига к постматериалистическим ценностям, а также связано с особенностями большей материальной обеспеченности студентов мегаполисов, в отличие от, например, провинциального студенчества;
- о широком пространстве ожиданий и надежд, что связано с возможностями учебы за рубежом (а вместе с тем – инструментальный характер практики получения учебы за границей).

Высокий показатель мотива выезда ради выяснения возможности будущего трудоустройства среди студентов УрФУ (43% опрошенных) свидетельствует о рисках интеллектуальной эмиграции студентов российских мегаполисов.

Да, уральские студенты рассматривают учебу за рубежом в качестве первого шага конструирования стратегии жизни вне родины, а не в качестве обогащения культурного капитала, который мог бы пригодиться в родном государстве. Оснований для оптимистичных прогнозов по поводу неактуальности процессов интеллектуальной эмиграции среди украинского студенчества также маловато. В частности, интересную тенденцию фиксируют показатели желания студентов обоих ВУЗов получить гражданство другого государства (см. рис. 3). Достаточно высокий показатель этой альтернативы среди студентов УрФУ (44% опрошенных) объясняется возможностью иметь два гражданства одновременно. А тот факт, что 40% харьковских студентов желают получить гражданство другой страны, свидетельствует о том, что они фактически готовы отказаться от гражданства родной страны. Таким образом, гражданство в сознании украинских студентов имеет формальный, номинальный характер, который выступает одним из рисков актуализации «brain drain» («утечка мозгов»).

Обращаем внимание, что практики, связанные с собственно учебными целями (в частности, получение заграничного диплома, прослушивание учебных курсов известных ученых и приобретение опыта учебы в заграничном вузе), не являются актуальными мотивами выезда для студентов обоих вузов.

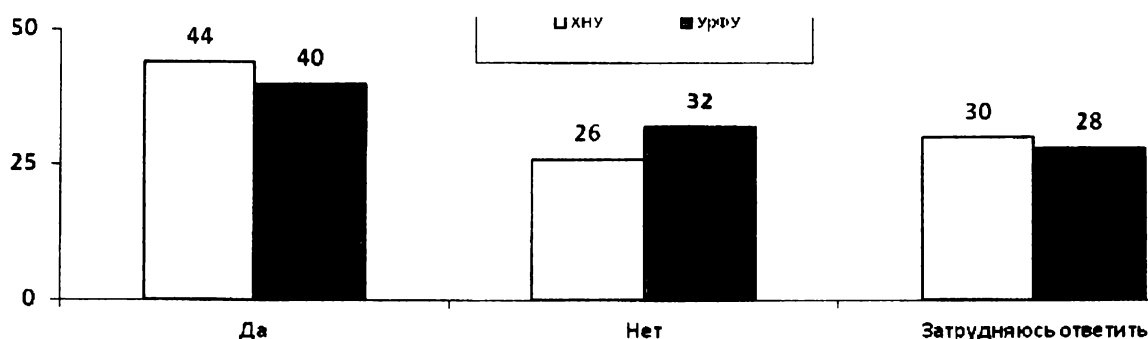

Рис. 3. Хотели бы Вы получить гражданство другого государства?

Эта ситуация имеет множество векторов интерпретации. Во-первых, она фиксирует низкую значимость *терминального* характера практики учебы за рубежом. В контексте настроений российских студентов это свидетельствует о более четкой структуре профессиональных ориентаций и жизненных планов последних (в частности, это подтверждает более кристаллизованная, четко очерченная иерархия видов будущего трудоустройства студентов и структура мотивов выезда за границу на учебу). Относительно украинских студентов эта ситуация является свидетельством «неопределенности», «изменчивости», «многообразия» не только их последующих жизненных планов, но и наличия этих характеристик в структуре восприятия, мышления и поведения украинских студентов.

Результаты сравнительного анализа социально-профессиональных ориентаций студенчества украинского и русского мегаполисов дают основания для следующих выводов:

1. Социально-профессиональные ориентации студенческой молодежи современных мегаполисов являются *контекстуальными* особенностям структурных и социокультурных трансформаций украинского и русского обществ.

2. Российское студенчество мегаполиса *имеет более кристаллизующую и постоянную систему профессиональных ориентаций и жизненных планов*, что связано с особенностями политической и экономической структуры российского общества; более равномерное распределение альтернатив в ответах украинских студентов свидетельствует, что их профессиональные планы не являются четко кристаллизированными, однако являются более гибкими, мобильными и адаптивными к современному рынку труда.

3. Российские студенты мегаполиса демонстрируют большее тяготение к индивидуально прагматическим установкам, имеют более высокие статусно-профессиональные устремления, которые фиксируют особенности их профессиональных ориентаций (в частности, значимость создания собственного бизнеса и отсутствие интереса к преподавательской деятельности).

4. Была зафиксирована интересная проблемная ситуация, которая нуждается в последующем внимании исследователей: «разрыв» между декларируемой российскими студентами престижностью кандидатского звания и низким уровнем желания поступать в аспирантуру; и противоположная тенденция среди украинского студенчества: манифестация низкой престижности степени кандидата наук и высокие стремления его получения.

5. Главной целью выезда студентов за границу с целью продолжения учебы не выступают собственно образовательные практики, по большей части такое стремление обусловлено ориентацией на удовлетворение познавательных и гедонистических потребностей, а также инструментальным характером практики получения учебы за рубежом.

6. Похожие настроения студентов мегаполисов относительно установок на выезд за границу свидетельствуют о бедности тех макроусловий, в которых сформировались эмиграционные настроения студенчества, а также о тождественности ценностно-нормативных систем, схем восприятия, образцов поведения студенчества мегаполисов. Это позволяет позиционировать *студенчество в качестве социокультурного сообщества* и говорить о формировании субкультуры студенчества современных постсоветских мегаполисов.